

образа, погружаемся мы в воду (крещения.— В. Б.) и в ней обретаем вдруг этот прекрасный вид» (Ibid. Col. 537 D).

Крещение возвращает людям первозданную красоту независимо от их образа жизни до этого акта. И «женщины сцены» (профессия актрисы зачислялась церковью в безнравственные), и развратные мужчины с помощью крещения, убеждает своих читателей Кавасила, спокойно достигали «прекрасной гармонии», с легкостью смены одной маски другой (Ibid. Col. 549 D). Речь здесь идет о красоте и гармонии, как нравственной, так и физической. Однако, отмечает Николай, красоту новых членов, которую мы получили в крещении, сейчас нельзя увидеть; для этого нужен свет будущего века (Ibid. Col. 548 B). И если люди праведной жизнью после принятия крещения сохраняют эту ныне невидимую красоту, то при втором Пришествии она выявится во всей своей полноте. Ее носители «просияют паче солнца», вознесутся на облаках и станут «богами вокруг Бога, прекрасными вокруг Красоты» (Ibid. Col. 649 C).

Столь высокая забота Бога о человеке, его красоте заставляет исихастов с почтением относиться и к человеческому телу. Ведь оно было освящено самим Христом в таинстве воплощения. Кавасила призывает современников чтить и сохранять телесную чистоту, ибо ничто не может быть священнее этого тела, «с которым Христос соединен теснее всякого естественного соединения» (Ibid. Col. 649 A).

Добродетели и духовное знание выступали в глазах христианских идеологов существенными украшениями человека. Паламе даже самарянка, с которой Христос беседовал у колодца, представляется прекрасной, как заря или луна, ибо она «светила в то время, когда еще держалась ночь нечестия». Самарянка в понимании Григория имела ум «возвышенный, исполненный божественного вдохновения», и знала то, чего не постигали верующие иудеи (Ibid. T. 151. Col. 260 CD).

Новой степени эстетизации подвергается в поздней Византии феномен мученичества. Красота мученичества с особым вдохновением воспевалась апологетами в первые века христианства²². Затем актуальность этого феномена несколько померкла, так как христианство заняло господствующее положение в империи. И вот на ее закате, в период систематического нажима на православие как со стороны латинян, так и со стороны турок-мусульман, новые апологеты возрождают древний идеал мученичества за веру и предельно эстетизируют его.

Григорий Палама, восхваляя своего знаменитого соотечественника, пострадавшего за веру, великомученика Димитрия, строит весь энкомий в эстетическом ключе. Димитрий стал «великим украшением» церкви, украсил собой Вселенную и сам сиял красотой внутренней и внешней. Он был юношей, прекрасным на вид и «по внутреннему человеку», так что сам Бог пленился его невидимой духовной красотой и соблаговолил возобитать в нем и «сделать его совершенно божественным». Он обрел в нем «чистое зеркало, принимающее и отражающее в себе надмирную и неизреченную {432} красоту» (Ibid. Col. 540 BC). И ныне Димитрий являет

Файл byz3_433.jpg

Спаситель на троне. Начало XIV в.

Стамбул, Фетхие Джамии. Мозаика в апсиде

собой «величайшее прибавление к вечно прекрасным вещам, будучи всемирной и вместе сверхмирной красотой». Он стал как бы божественной книгой, скрижалю или писчей таблицей, исписанной самим Богом и предложенной всему миру для общей пользы (Ibid. Col. 537 D—540 A).

Даже раны на теле мученика представляются Паламе украшением. Не случайно сам Христос сохранил их на своем бессмертном теле и по воскресении. Отсюда, делает он вывод, и раны мучеников не безобразны, но служат им вечным украшением. Как оконные проемы хотя и ничем не способствуют солидности здания, но и не портят его, пропуская внутрь свет, так и слезы страданий, перенесенных ради Христа, «стали для получивших их как бы окнами, пропускающими свет невечерний. И при сиянии этого света постигаются как дело божественной красоты, или, лучше — божественного сияния, а не как безобразные раны». Христово же тело имело источник божественного света внутри, и он оттуда воссиял сквозь его рану Фоме, рассеяв его сомнения (Ibid. Col. 233 CD).

²² Подробнее см.: Бычков В. В. Эстетика поздней античности. II—III века. М., 1981. С. 142—145.